

ВОЛЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2021 г. Т.А. Агапкина

*Институт славяноведения Российской академии
наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 06 февраля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 10 марта 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-258-281>

Аннотация: В статье исследуется концепт воли в восточнославянском фольклоре.

Основным критерием отбора материала является частотность слова *воля* и соответствующего лексического гнезда в разных жанрах — былинах, похоронных, рекрутских и свадебных причитаниях, в лирической песне, пословицах и духовных стихах. Фольклорная составляющая концепта воли рассматривается в совокупности всей семантической информации, с учетом синонимов, антонимов, эпитетов, предикатов и ассоциативных рядов, относящихся к слову *воля* и его производным. Слова лексического гнезда «воля» обнаруживают широкий спектр значений, в целом совпадающих со значениями слов в литературных языках и диалектах. Среди них в большинстве жанровых проекций концепта воли намечаются два полюса, на одном из которых «собраны» позитивно окрашенные значения, такие как представление о воле как собственном праве на выбор и физической свободе, отождествляемой с жизнью как таковой, а на другом — негативно окрашенные: представление о воле как власти чужого, старшего или сильного, и избыточности свободы и своеволия вплоть до непослушания и распущенности. Вместе с тем в некоторых жанрах такая двуполусность нарушается: в пословицах на первый план выступают отрицательно оцениваемые значения воли, а в духовных стихах воля вообще предстает исключительно в негативном ключе, как средоточие греховности человека и всего земного мира.

Ключевые слова: фольклор восточных славян, воля, былины, лирическая песня, причитания, пословицы, духовные стихи.

Информация об авторе: Татьяна Алексеевна Агапкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 а, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8098-7471>

E-mail: agapi-t@yandex.ru

Для цитирования: Агапкина Т.А. Воля в восточнославянском фольклоре // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 258–281.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-258-281>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 3, 2021

THE WILL IN THE EAST SLAVIC FOLKLORE

© 2021. Tatyana A. Agapkina
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: February 06, 2021
Approved after reviewing: March 10, 2021
Date of publication: September 25, 2021

Abstract: The article explores the concept of the will in the East Slavic folklore. The main criterion for selecting the material is the frequency of the word “will” and corresponding lexical word family in different genres — epics, funeral, recruitment and wedding lamentations, lyrical songs, proverbs, and spiritual poems. The folklore component of the concept of will is considered in the totality of all semantic and plot information, taking into account synonyms, antonyms, epithets, predicates, and associative series related to the word “will” and its derivatives. The words of the lexical word family *will* reveal a wide range of meanings that generally coincide with the meanings of words in literary languages and dialects. Among them, in most genre projections of the concept of will, there are two poles, one of which collects positive meanings, such as the idea of the will as someone’s own right to choose as well as physical liberty, which is identified with the life itself. The other pole collects negative meanings: the idea of the will as the power of the alien, the older or the stronger one; redundancy of freedom and willfulness up to disobedience and immorality. However, in some genres such bipolarity is broken: in proverbs, negatively assessed meanings of will come to the fore, while spiritual poems render will in negative terms, as a centre of the sinfulness of a person and of the entire profane world.

Keywords: folklore of the Eastern Slavs, epics, funeral, recruitment and wedding lamentations, lyrical songs, proverbs and spiritual poems.

Information about the author: Tatyana A. Agapkina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Avenue 32 a, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8098-7471>

E-mail: agapi-t@yandex.ru

For citation: Agapkina, T.A. “The Will in the East Slavic Folklore.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 258–281. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-258-281>

Статья продолжает начатую некоторое время назад тему, посвященную «человеку внутреннему», а именно тому, в каких категориях и понятиях восточнославянского фольклора описывается человек разумный, чувствующий и волевой. К настоящему моменту нами написаны три работы — о славе, о сердце (в аспекте его эмоциональности и духовности) и о бинOME «хитрый-мудрый» [1; 2; 3].

Известно, что важнейшие концепты традиционной культуры реализуются в фольклорных текстах как их жанровые проекции [9, с. 23], которые значительно разнятся при переходе от жанра к жанру. Поэтому моей задачей, собственно, и является изучение фольклорной семантики концепта в его жанровых проекциях, о чем говорилось уже не раз¹.

Считается, что многозначность слова, в том числе фольклорного, должна исследоваться в совокупности языковой (диалектной) и контекстной семантики. Кроме того, как замечал А.Т. Хроленко, фольклорное слово следует рассматривать с учетом всей его семантической информации, включая синонимы, антонимы, эпитеты, предикаты, ассоциативные ряды и мн. др. [12, с. 18–19]. Принимая же во внимание хорошо известную многозначность фольклорного слова, его семантическую широту и неопределенность, диффузность его значений [12, с. 63 и далее; 8, с. 559], фольклорные концепты предпочтительно изучать в максимально полном составе контекстов употребления, поэтических сюжетов и мотивов, клишированных оборотов и других устойчивых языковых единиц. А поскольку важнейшей особенностью фольклорного слова и

¹ В частности, С.Е. Никитина называет это жанровой концептуализацией фольклорного мира [9, с. 36].

тем более концепта является его оценочность, аксиологическая окрашенность, тот факт, что каждый концепт занимает вполне определенное место в иерархии ценностей жанровой картины мира [12, с. 71 и далее], эта оценка также должна учитываться при описании базовых фольклорных концептов.

В данной статье речь пойдет о концепте воли в восточнославянском фольклоре². Основным критерием отбора материала для исследования является частотность слова *воля* и соответствующего лексического гнезда в разных жанрах. Иначе говоря, мы будем рассматривать фольклорные контексты, в которых эти слова встречаются относительно часто и формируют круг регулярных значений³. Такие контексты присутствуют в нескольких жанрах — былинах, похоронных, рекрутских и свадебных причитаниях, лирических песнях, пословицах и духовных стихах.

Едва ли не самое большое количество контекстов, относящихся к концепту воли, обнаруживается в русской свадебной причети. Это объясняется тем, что *воля* — ключевое название обязательного атрибута севернорусской свадьбы⁴, символ девичества во всей широте его понимания, а также один из основных персонажей свадебных причитаний.

На наш взгляд, в самом общем виде в свадебной причети (и отчасти свадебной лирике) *воля* символизирует девичью жизнь до замужества, представляемую в идеализированном виде, исполненную свободы, гуляний, безмятежности⁵, девичьей дружбы, жизнь, не связанную с какими-либо негативными переживаниями и защищенную родительской забо-

2 Общеязыковым и диалектологическим аспектам слов *воля* и *свобода* посвящено немало лингвистических работ, см. специально: [4; 5; 7; 11], а также указанную в них литературу вопроса.

3 Поскольку речь идет о фольклорных текстах, мы пользуемся понятием «частотность» в относительном смысле, имея в виду большую или меньшую употребляемость слова в тех или иных значениях. Контексты, приводимые в статье, берутся нами как из наиболее известных источников по тому или другому жанру, так и из источников более редких, но не менее репрезентативных. При этом никаких статистических подсчетов мы не проводим и полагаем их неприемлемыми для фольклористических исследований.

4 На большей части территории Русского Севера *воля* — украшенная лента или другой головной убор, носимый на голове девушкой (и иногда называемая также *красотой*).

5 Такое восприятие *воли* находит частичное соответствие в некоторых диалектных значениях этого слова, которые характерны для слов этого лексического гнезда и при этом не связаны с узкосвадебной тематикой, например с.-рус. *вольница* «молодые ребята, болтающиеся без дела», *вольничать* «бездельничать» и некоторые др. [41, т. 2, с. 179].

той. Не случайно *воля*, *вольный* и иные слова того же лексического гнезда последовательно соотносятся в причети с понятиями, несущими высокую положительную оценку вне зависимости от того, к чему конкретно она относится: к пространству ли (*приволье* – *раздолье*): «Вейся, вейся, хмелюшко... / Ко мне во зеленый сад: / Во зеленом садику / Привольице вольное, / Раздолье широкое» [36, т. 1, № 550] или к жизни в целом (*вольный* – *бесценный*): «Я у родителя своего, у батюшки... / Буду упрашивать да умаливать, / Чтобы... оставил бы во вольной волюшке, / В бесценном во девичестве» [30, с. 126]. Впрочем, в отдельных случаях *воля* получает вполне материальную оценку: «Стали спрашивать про белую лебедушку, / Оценять стали бажону волюну волюшку... / Эта волюшка во сто рублей ...» [37, т. 3, с. 6].

Едва ли не основной ассоциацией (или парным словом) *воли* в причети является *нега*, душевное и физическое состояние довольства, блаженства и беззаботности: «Не забыла я, матушка, / Свои золоты ключи, / А забыла я, матушка, / Свою волю у батюшки, / А негу у матушки» [36, т. 1, с. 760]; «Проспала млада, подрёмала / Всю привольеньку свою волю, / Всю принежню-ту девью негу, / Житьё девье-то да бес пецели...» [13, № 422]. А основным синонимом *воли/волевания* становится *красота/красование*: «Поприжму я красну красоту... / Я ко сердцу-то ретивому: / Хоть я час да покрасуюся, / Хоть другой я поволуюся...» [37, т. 3, с. 107]; «Проиграла красна девица душа / Свою вольную волюшку, / Украшенну девью красоту...» [36, т. 1, № 27]; «Молоду в чужи люди отдали, / Не дали мне русой косой покрасоваться, / Девичьей воле нагуляться» [36, т. 1, № 735].

Говоря о *воле* как персонаже свадебной причети, обратим внимание на ближайшее «окружение» этого слова – приписываемые воле действия (*воля летает, красуется, гуляется, ликуется*), а также эпитеты, которыми ее наделяют, – прежде всего *вольная* (словосочетание *вольная воля* – одно из самых частотных), а также *желанная, любимая, бажоная* и т. п. Они повышают аксиологический статус воли и поддерживают его в поэтическом дискурсе.

Есть еще один аспект концепта воли в свадебной причети, который уточняет высказанное наблюдение о воле как квинтэссенции девичьей жизни, – это ее связь с понятием судьбы. В некоторых случаях *воля* вершит судьбу девушки, улетая подобно птице и выбирая себе дерево, чтобы поселиться на нем: если *воля* садится на березу, то девушку ожидает счастли-

вое будущее, если на осину, то печальная судьба, поэтому девушка просит ее: «Не садись-ка, вольна моя волюшка, / На прокляту деревиночку — / На горькую осиночку» [37, т. 3, с. 76].

Совсем иным поворотом темы является устойчивая привязка воли к девичеству — но уже не как счастливой поре, а как к состоянию и статусу стародевичества. Девушка пытается отдать свою волю подруге, но та отказывается из опасения остаться старой девой: «Уж не возьму твою бажону вольну волюшку, / Уж как будут меня ругать да все соседки спорядовы: / — Уж куды с волями ты, девушка собираешься, / Уж в монастырь, верно, в монашки собираешься?» [30, с. 219].

Согласно логике традиционного свадебного обряда, смена головного убора и расставание с волей (красотой) сигнализирует о переходе девушки в другой статус замужней женщины и прощании с девичеством, а также определяет содержание основных контекстов причети, касающихся воли. Девушка упрекает родителей за то, что ее лишили воли: «Променяли мою вольную-то волюшку... / Пропились да промотались, / Прогуляли мою волюшку» [37, т. 3, с. 11]; «...мой родитель-батюшко / Тут снял волюшку с бладой головушки» [37, т. 3, с. 32], а также винит и саму себя в потери воли: «Я у дубового стола да постояла, / Свою волюшку с головушки да потеряла. / Я запродала волю вольную / На честны дороги подарочки...» [37, т. 3, с. 42]; «Первой раз я поклонилась — / Моя волюшка с головушки укатилась...» [37, т. 3, с. 27].

Вместе с мотивами потери воли в свадебной лирике появляется ее смысловой и эмоциональный оппозит — *неволя*, и актуализируется соотносимое с этим словом лексическое гнездо (*невольный, поневолить, обневолить, невольница, безволие* и т. п.). Это слово становится основой автономии просватанной девушки: «Мне-ка сесть было, невольницы, / Дай по-старому, по-прежнему...» [37, т. 3, с. 28], «Вы не в вольной-от дом взошли, / Меня, невольницу, здись нашли» [27, с. 199]. Под «характеристику» соответствующими глаголами подпадает также просватанье как один из начальных этапов обряда: «Обневолили родители вольну волюшку в неволюшку» [37, т. 3, с. 14]. В поэтических терминах неволи в причети описывается и противоположная сторона — сторона жениха и будущей семьи. *Неволей* в лирике называют жениха: «Злодейка неволя великая» [31, с. 98], а также замужнюю жизнь в целом — подобно тому как под *волей* понимается

жизнь девушки в девичестве. Негативная оценка неволи подчеркивается ее постоянным эпитетом *лютая* и более редким — *непохвальная*: «Испосажена люта ознобна сторонушка / Лютой неволей великою, / Наполивана чужая ознобна сторонушка / Горькими слезами горячими...» [37, т. 3, с. 86]; «Как за мной-то, за душой красной девушкой / Ходит лютное безволие великое» [37, т. 3, с. 92]. Впрочем, причетъ идет дальше, трансформируя мотив неволи как несвободы выбора в мотив физической несвободы, заточения: «Я (говорит свекровь. — Т.А.) срублю здесь малу клеточку, / Посажу невольну красну девицу / И не выпущу до самой теплой веснушки, / До крестьянской до работушки» [30, с. 126].

Синонимом *неволи* и, соответственно, еще одним постоянным оппозитом *воли* оказывается *забота*, с которой ассоциируется будущая жизнь девушки: «Рука о руку ударили... / Во заботушку меня озаботили, / Меня, девушку, обневолили» [37, т. 3, с. 8]; «По сегодняшнему денечку / Быть саду да полоненному, / Всему роду покоренному, / Волюшке быть в неволюшке, / Девушке быть в заботушке» [37, т. 3, с. 56].

Как уже упоминалось, воля является едва ли не главным персонажем свадебной причети, вокруг которого, собственно, и разворачивается поэтический сюжет. Это особенно заметно в олонецких причитаниях, где описываются сетования девушки по поводу расставания с волей: «Улетела моя любимая вольная волюшка, за горушки высокие... / Обневолили меня желанные родители за чужого чужанина... / Мне недолго красоваться волюшкой у своих родителей... / Выйду я, бедная девушка, в зеленую дубровушку... / Не увижу ли я, где летает моя любимая волюшка?... / Ах любимые подруженьки! / У вас цветут желанные волюшки на буйных головушках, / У меня, а у бедной горюшницы... нет моей вольной волюшки!» [34, с. 46]. В другом сюжете олонецких причитаний говорится о том, как девушка сама отпускает свою волю, чтобы не дать жениху поймать или подстрелить ее: «Придет млад отэцкой сын, / Он увидит мою волюшку, / Станет волюшку подбрасывать... / Пойдем лучше с волей вольною / На перено на крыле-чушко, / Отпущу я волю вольную / Я во темны леса лисицею... / Я не место тут удумала / Своей да дорогой воле: / Как покладут шелковые петелки, / Изымают мою вольную волюшку... / Уж как ходит млад отэцкой сын / Со винтовкой самострельной, / Он застрелит волю вольную... / Есте неводье шелковое... / Он изловит мою вольную волюшку... / А спущу я свою воль-

ную волюшку / Под небесы под высокие... / Пускай воля наволюется, / Пускай красная наликуется...» [37, т. 3, с. 59].

Таким образом, *воля* как ключевое понятие свадебной причеты обозначает девичью жизнь до замужества (в совокупности разных ее аспектов)⁶ и реализуется в ряде устойчивых поэтических контекстов. Допустимо предположить, что, будучи важнейшим понятием севернорусской свадебной причеты, *воля* неразрывно связана с ключевым атрибутом этой свадьбы — одноименным девичьим головным убором. Вместе с тем эта связь не может быть единственным, что повлияло на формирование концепта *воли* в свадебном обряде. Немалую роль в этом процессе сыграло само слово *воля* (и всё его лексическое гнездо), взятое в своих основных значениях, прежде всего таких, как «право выбора», близкое к нему «желание, хотение» и «свобода». В поэтическом дискурсе свадебной причеты *воля*, оцениваемая сугубо положительно и коррелирующая с простором, негой, свободой поведения и т. п., существует между тем не сама по себе, а в устойчивом противопоставлении *неволе* как состоянию несвободы (моральной, эмоциональной и физической), соотносимой, в свою очередь, с *заботой*, а также *печалью*, *горем* и т. п.

Иными словами, в свадебном дискурсе концепт воли обнаруживает семантическую емкость и цельность, в отличие, как мы увидим ниже, от других фольклорных жанров, демонстрирующих большее разнообразие значений *воли* в рамках одной жанровой проекции.

В народной **лирической песне** (обрядовой, в том числе свадебной, и необрядовой) концепт воли реализует несколько значений и в отдельных своих проявлениях пересекается с эпосом, причетью и другими жанрами.

Со свадебным дискурсом лирику роднит представление о том, что безмятежная и никем не регламентируемая жизнь (*воля*) возможна только в девичестве: «Поиграйте вы, девушки, / Попляшите, молóденьки, / Во своей воли у батюшки / <...> в неги у маменьки» ([13, № 405], игровая), в то время как замужество сопряжено с потерей воли и беззаботной жизни: «Ты не плачь, не плачь, красна девица! / У меня будешь жить вольно: /

6 В этом отношении наша точка зрения близка мнению А.В. Гуры, см. [6, с. 272–273]; о разнообразии частных значений *воли* в свадебном фольклоре см. [10]. Так же и по наблюдениям Т.И. Вендиной, «ВОЛЯ может осмысляться и в темпоральном аспекте, как временной отрезок в жизни человека, причем применительно к женщине воля — это время до замужества (ср. *дэвья воля* 'время до замужества'...)» [5, с. 22].

Куда пойдешь, спросишься; / Отколе придешь, скажешься. / — Что ж у вас за воля? / У меня у батюшки вольнее: / Куда пойду, не спрошуся; / Отколе приду, не скажуся» ([36, т. 1, № 520], Калужская губ.); «У мойго татки круттыя горы, мне гуляти доволи, / У мойго свекорки всюды ровно, мне гуляти не вольно» ([39, с. 72], Гомельский у.).

В связи с темой внутренней свободы в лирике появляется выражение *своя воля*, которое вводит дополнительные оттенки значения *воли* как права на выбор поведения, которым обладают девушки: «Де ж ти, дівчинонько, бувала? / Де ж, моя доню, ти гуляла?.. / — Моя мати, що ж казати? / Була в полі, в своїй волі» ([48, с. 223], украинская лирическая); «Уж ты, мил, ты, мил мой сердечный друг, / Ты одну-ли меня сушишь, крушишь? — / Я сушу, крушу восемь девушек... / У восьми девок своя воля: / Их журить-бранить некому, / Любить-жаловать есть кому» ([36, т. 2, вып. 1, № 1243], Архангельская губ.), хотя и не только они: «Мой-ет миленький-хороший / Своей волей занимался... / Мил на Волгу собирался...» ([19, т. 5, № 82], Казанская губ.). К теме своеволия мы еще вернемся.

Поскольку объектом описания в лирике является широкий круг персонажей (девушка, парень, жена, муж, мать, отец, дочь, сын, заключенный, рекрут, солдат, матрос и др.), а также весь спектр испытываемых ими эмоциональных переживаний, их внутренний мир, концепт воли вмещает в себя представление об внешних обстоятельствах неодолимой силы, которые управляют человеком и его судьбой, ограничивают его теми или иными рамками, — как говорится в солдатской песне: «Ах ты, воля наша, волюшка, / От весны воля до осени!.. / Будеть большое солдатствие, / Большое, превеликое ...» ([19, т. 6, № 30], Вологодская губ.).

В связи с этим в лирической песне ярко проявляются понятия *несвоей / чужой воли*, равной власти чужого, постороннего, субъектом которой может быть

— Бог: «Устань, устань, мая мамулька, не ляжы, / Мне, сиротачцы, хоць адзін дзянёчак памажы... / Ат, адстань, адстань, мая дачушачка, ... / Не мая воля — самога Бога. / Рада б я ўстаці к сваяму дзіцяці благаславенне даці: / Грабовыя дошкі сціснулі ножкі — не магу ўстаці» ([20, с. 231], Минская обл.);

— царь: «Сторона ли ты моя сторонушка... / Я не сам-то я на тебя зашел, / Занесли-то меня неволюшка, / Власть господска, воля царска» (Киреевский 2/2, № 1614, Тульская);

— командир: «Ох, ты глупая красна девица, / Не своей волей я кораб-
ли снастил: / По указу государеву, / По приказу я командирскому» ([36, т. 2,
вып. 2, № 1828], Калужская губ.);

— люди: «Я недавно и вдовою стала, / Да богато горя и спознала; /
Злые люди мене избивали: / — Иди замуж, добре табе буде. / Я людскую
волю учинила, / Пошла замуж...» ([39, с. 160], Гомельский у.);

— злая жена (милого): «Заезжай, милый, проститься хоть со мной. /
— Я заехал бы, мне воля не своя: / Навязалась зла-негодная жена...» [37, т. 3,
с. 143],

— муж (молодой жены): «Поиграйте-ко вы, девушки... / Покуль воля,
воля батюшкова... / Будет волюшка — чужа сторона... / Либо старой, либо
малой муж, / Либо ровнюшка пьяница-дурак: / Не отпустит он на улицу
гулять» ([36, т. 2, вып. 1, № 1289], Архангельская губ.) и т. д.

В других контекстах воля персонифицирована в меньшей степени,
и источником неодолимой силы становятся, например, любовь: «Без по-
ры-то, безо время / Стала травка сохнуть; / Без причины друг Ванюша /
В иную влюбился, / Что в иную-то влюбился, / Волюшки лишился» [36,
т. 2, вып. 1, № 2643]; пьянство: «Оповадился Ваня за реку ходит в кабак... /
С этой водочкой он сделался пьянешенек. / Он не сам зашел, не своей охо-
тою, / Занесло его силою невольную, / Завела молодца неволюшка...» [37,
т. 3, с. 153] и др.

Разумеется, в лирике присутствует и представление о воле как физи-
ческой свободе, к которой стремится заключенный: «Вижу: девушки ходят
по воле, я сижу во неволе, / Во неволюшке сижу я, братцы, в белокаменном
остроге» [36, т. 2, вып. 2, № 2842], или солдат: «Ой ти чула моя доля, что не
быть молодцу дома, / Быть молодцу в неволи, в солдатском набори» ([39,
с. 159], Гомельский у.), ср. показательное название солдат *невольниками*
(подобно тому как просватанная девушка называет себя в причети *неволь-
ницей*): «Перва рота шла — всё охотнички, / Другая рота шла — всё неволь-
нички» [39, с. 159]. В подобных контекстах изредка появляется и слово *сво-
бода*: «Ты, молодой палач, постой, обожди меня наказывать! / Что с меня
ты хочешь взять... / Хочешь взять ты пятьсот рублей? / Если мало тебе того,
возьми всю тысячу, / Только отпусти погулять на волю-свободушку!» ([19,
т. 6, № 464], Терская обл.), в целом совершенно чуждое фольклорному дис-
курсу.

Есть еще один аспект концепта воли, которого мы до сих пор не касались и который проявляет себя довольно слабо. Этот аспект реализует значение воли как ничем не сдерживаемой и выходящей за рамки общепринятых норм свободы. *Воля* как вседозволенность (потакание своим желаниям) и даже разнузданное поведение приписывается в лирике в основном молодежи: «Травка мурава, мурава, девушка молода, / Девушка молода за гульбой пошла, / За гульбой, гульбой, гульбой, за охотою, / За охотою, своей волею» ([19, т. 7, № 243], Костромская губ.) и прежде всего тем, кто находится в лиминальном социально-возрастном статусе, например, рекрутам: «Приводили молодца в приемную, / Становили разудалого / Под меру казенную / И обрили добру молодцу / Кудри русые... / Уж не будет добру молодцу / Гульбы, волюшки» ([36, т. 2, вып. 2, № 2500], Саратовская губ.). Показательно, что если в свадебной причете парным к *воле* является слово *нега*, то в лирике это преимущественно слово *гульба*.

Несколько слов о том, кто и что еще (помимо человека) является носителем воли в традиционной лирике (кого и что называют *вольным*). Этот перечень довольно короткий и включает объекты, явления и природные стихии, действия которых по определению ничем и никем не регламентированы. *Вольными* называют

– птиц, свободно передвигающихся в самой свободной стихии, а именно воздухе: «А я млада-младешенька замешкалася / За утками, за гусями, за лебедями, / За вольною за пташкою за журышкою» ([36, т. 2, вып. 2, № 2519], Оренбургская губ.),

– и, соответственно, человека, уподобляющегося птицам: «Печальное сердечушко беспрестанно тужит, / Тоскует-горюет, все по прежней воле. / Кабы мне, молодчику, нажать прежню волю, / Нажить прежню волюшку — мне сизые крылья... / Павинные перышки, — взвился бы высоко я, / Взвился бы высоко я, улетел далеко...» [19, т. 5, № 571],

– а также ветер, связанный с той же стихией: «Нам постелечка — мать сыра земля, / Нам зголовице — зло кореньице, / Одеялышко — ветер вольный» [36, т. 2, вып. 2, № 2710];

– месяц на небе, движение которого ограничено разве что небесным сводом: «Просвети, светел месяц, свети, вольный, молодой, / Про-

свети дороженьку, куда мой милый пошел!» ([19, т. 5, № 116], Казанская губ.)⁷;

– и воду: «Разлилась, разлеялась / По лугам вода вольная» [36, т. 1, № 760], ср. в заговоре: «Вода, вода, матушка вольная!» ([44, с. 144], Забайкалье).

Что касается воды, то, по нашим наблюдениям, эта стихия как бы проецирует *вольность* во вне, на тех, кто попадает в орбиту ее влияния: «А на синем море часты острова; / А на островах казаки живут, / Казаки, братцы, народ вольный все» ([19, т. 6, № 377], Урал); «На Дону-то все живут, братцы, люди вольные, / Люди вольные живут – то донские казаки» [19, т. 6, № 375].

В **былинах** концепт воли также обнаруживает несколько взаимосвязанных значений, которые можно условно расположить на шкале между правом выбора в исполнении желаний, с одной стороны, и свободой и независимостью – с другой, иными словами, между свободой как таковой и правом на нее (или его отсутствием).

Воля понимается прежде всего как свобода выбора и поведения, как право распоряжаться своей или чужой судьбой, право, сопрягаемое с основным для диалектного дискурса значением слова *воля*, а именно с «желанием». Таково право жены, муж которой долго не возвращается домой и считается погибшим, выбрать судьбу по своему усмотрению. В былине «Добрыня и Алеша» Добрыня, уезжая из дома надолго, наказывает жене: «Гой еси моя молода жена! / Пройдет как ведь времечка шесть годов, / Ни вести не будет, ни грамотки, / Так тебе, Авдотья, своя воля: / А хошь ты, Авдотья, вдовой сиди, / А хошь ты, Авдотья, замуж поди» ([33, № 306], «Добрыня и Алеша»). Аналогичное значение воли обнаруживается в других контекстах былин: «В ту пору, познав посадники свою беду неизбежную и завидев гибель скорую, бросаются в Новгород, во теремы тайнищкие, они пишут крепки записи, чтоб быть Василью Богуслаевичу князем над всем Новым-градом, землей Славенскою и Русскою, брать пошлины, каки он хочет, и владеть ему своею волею» ([14, с. 239], «Повесть о Василии Богуслае-

7 Подобное название *вольными* объектов, связанных с воздухом, возможно, соотносимо с диалектными данными: с.-рус. *вольный* «внешний, обращенный наружу, в открытое пространство», ср. *вольный воздух* «свежий воздух» [41, т. 2, с. 179], а также *вольный свет-батюшка* в заговоре [47, с. 192].

виче»). Значение воли как права и свободы выбора выражается через такие устойчивые обороты, как *быть в своей воле, владеть своей волей* и т. п.

Вместе с тем эта воля как право на свой выбор часто регулируется чужой властью или силой, волей старшего или более сильного. Подобное ограничение в правах передается выражениями *дать кому-л. волю, находиться в чьей-л. воле, быть под чьей-л. волей* и др. Право богатыря отправиться воевать с иноземцами дарует ему князь своей волей: «Говорил-то Михайлушко таковы речи... / — Розгорелось моё-то да ретиво серьцо, / Роскипелось у мня серьцо богатырьскоё. / Мне дай-ко ты, князь, да волю вольною / Мне-ка съездить впереди всих во цистó полё, / Мне попробоват побить-то силу татарскою» ([13, № 12], «Михайло Данилович»). Морской царь, во власти которого оказывается Садко, предлагает ему выбрать себе жену, на что Садко отвечает: «А й топерь как волюшка твоя надо мной в синём мори» ([33, № 70], «Садко»). Оксёнышко, желая наказать жену за пьянство и растрату, спрашивает совета у матери и слышит в ответ: «Как твоя-та жона — да как твоя воля», после чего отрубает жене голову ([13, № 191], «Оксёнышко»).

Именно в рамках «ограничения в правах» и проявления права сильного в былинах появляются такие понятия, состояния и способы действия, как *неволя, подневольный, неволить (обневолить), быть не в своей воле, волей/неволей* и т. п. Один богатырь объясняет свои действия тем, что «не своей я волей к вам в гости зашел, / Прислал меня сам батюшка Володимир-князь» ([18, с. 251], «Данило Ловчанин»); другой отказывается причинять вред тем, кто противостоял ему не по своей воле: «И вас, мужики, не трону я не единого, / Ваше дело поневольнѐе» ([33, № 282], «Хотен Блудович»); разбойник пытается отобрать коня у Ильи Муромца: «Отдай-ко ты нам коня богатырскаго, / Да волею отдашь, да мы волею возьмем, / А волею не отдашь, так мы неволею возьмем» ([33, № 120], «Первые подвиги Ильи Муромца»).

Тема принуждения к поступкам, совершаемым не по своей воле, присутствует и в свадебных эпизодах русского былевого эпоса, что отражает практику заключения традиционного брака вопреки воле молодых и перекидывает мостик между былинами и свадебным фольклором. Илья Муромец, сообщая Добрыне о том, что его жена вышла замуж за Алешу, говорит: «Да твоя-то хозяйка за мўж пошла, / За премладаго Алёшу за Поповича, /

На силу-де ей князь а поневолил-де пойти...» ([33, № 222], «Добрыня и Аляша»); Чурила рассказывает о своей женитьбе так: «Пожежил-то меня батюшко а неволею, / И женила меня матушка не охвотою...» ([33, № 127], «Чурило»).

Другое значение в рамках концепта воли, регулярно присутствующее в русском эпосе, — это воля как физическая свобода, противопоставляемая неволе и заключению. В былинах, повествующих прежде всего о воинских подвигах богатырей и их борьбе с врагами за свободу Святой Руси, не последнее место занимает тема личной свободы, которая развивается в том числе в рамках концепта воли. Воля как свобода проявляется в двух основных контекстах — в ситуациях ее обретения или потери. Илья Муромец освобождает узников: «Э уж теперь вам, братцы, воля-та, воля вольная, / И хоть подите вы теперь домой на свою родину...» ([14, № 94], «Поездка Ильи Муромца во чистое поле»). Добрыня отпускает на волю Змея: «А спустил-то он змею да на свою волю» ([33, № 59], «Добрыня и змей»). Враги стремятся поработить богатыря: «Да теснить стали его татара-ты поганьи, / Хотят обневолить они старога казака Илью Муромца» ([33, № 75], «Илья Муромец и Калин царь»)⁸.

Для эпического героя потеря свободы страшнее смерти, поэтому противопоставление воли и неволи (как свободы и порабощения) часто принимает форму оппозиции воли и смерти. Так, Илья Муромец спрашивает у «неверных царей»: «А уж вы ой, три царя да три неверные! / А да под меч ле вас склонить, у вас голова срубить. / Голова ле срубить — ле вас на волю спустить?...» ([15, № 107], «Три поездки Ильи Муромца»), а Захар Григорьевич Чернышов, оказавшись в плену у прусского короля (Фридриха Великого), требует: «Уж ты гой еси Прусской король!.. / Прикажи на волю выпустить; / Не прикажешь на волю выпустить, / Прикажи-ко меня скорб сказывать...» [13, № 334].

Помимо этих двух основных значений, в концепте воли можно усмотреть рефлексы других значений, более репрезентативно проявляющих себя в иных жанрах. В частности, это касается русского понятия *воли/красоты*

8 В украинских песнях противопоставление воли и неволи иногда приобретает комический оттенок за счет словесной игры внутри лексического гнезда *воли*, ср. диалог отца с сыном, сидящим в неволе: «Що жь бы, сынку, за тя дати?... / — Чьтыре коровки риженькї... / — Волю тя, сынку, в неволенцї споминати, / Нїжь так дорого за тя дати!» [32, т. 1, с. 47], ср. укр. *воліти* «предпочитать; желать, хотеть».

как символа девичества. Связанные с девичьей волей контексты встречаются не только в свадебном фольклоре (см. выше), но также и в былинах, рассказывающих о девичестве героини. Так, Марья лебедь белая, описывая свою свободу в девичестве, говорит отцу: «Да ай же ты да мой родной батюшко, / А царь ты Вахрамей Вахрамеевич! / А дал ты мне прощенья благословленьица / Летать-то мне по тихиим заводям... / А белой лебедью три году. / А там я налеталась, нагулялася, / Еще ведь я наволеваласе» ([33, № 52], «Михайло Потык»)⁹.

На периферии былинного дискурса обнаруживается еще одно значение воли (и всего лексического гнезда однокоренных слов), понимаемой как проявление распущенности, нескромности, буйного поведения. *Вольницей* называют здесь бурлаков: «Ай же, бурлаки вы вольница!» ([33, № 164], «Хотен Блудович»)¹⁰, а эпитет *вольный* присваивается также разбойникам: «Люди вольные все разбойнички...»¹¹ ([15, № 108], «Три поездки Ильи Муромца»).

Таким образом, в русском эпосе *воля* предстает в двух своих основных значениях; ее оппозитом выступает *неволя* (или *чья-то воля*), а синонимы фактически отсутствуют. Более чем в половине эпических контекстов *воля* появляется в составе устойчивых выражений и словосочетаний, в том числе имеющих параллели в русских диалектах.

Среди них наиболее частотно словосочетание *вольный белый свет*, используемое для обозначения сущего мира, окружающего человека на протяжении жизни, которого он вынужденно лишается из-за болезни, заключения или смерти, см. об Илье Муромце: «Он тридцать лет тут без сидел / И не видел свету белого, вольного» ([17, № 40], «Исцеление Ильи»), или возглас опутанного цепями Дуная: «Ты прошай-просьти да белой вольней свет! / Просьти, душоцька Настасья королевиснья!» ([13, № 217], «Дунай»). Здесь *вольный*, на наш взгляд, объединяет такие диалектные значения, как «находящийся вне чего-л., внешний», «предоставляющий, дающий волю, свободу» [42, т. 5, с. 86].

Тема расставания с вольным светом получает развитие в похоронных **причитаниях**, см. обращение к умершему: «Разговорился бы с нами

9 Ср. рус. *волеваться* с пометой *фольк.* в значении «пользоваться свободой, волей», зафиксированное на русском северо-западе [42, т. 5, с. 38].

10 Ср. рус. диал. *вольница* «Вольная братия, гулливая толпа, скопище шаловливой молодежи; своевольная, буйная шайка» [25, т. 1, s.v. *Воля*].

11 Ср. рус. диал. *вольничать* «2. Грабить на проезжих дорогах» [43, т. 5, с. 88].

да разбаялся / Про свое то про свое житье, / Хорошо ли тебе там со вольной волюшки, / Со житья-бытья хорошего?.. / Только б жить тебе да волевать!» ([22, с. 114], Тверская губ.); «Надоел, знать, тебе вольный свет, / Что так рано убираешься» ([43, с. 98], Костромская губ.). *Вольный свет* / *вольная воля* выступают синонимами *жизни (житья прекрасного, житья-бытья хорошего)*, а отсутствие воли, ее потеря, лишение ее сигнализируют о пребывании в загробном мире: «Не покажешься ты, не откликнешися, / С того светушки загробного: / Нет тебе, видать, там волюшки» ([44, с. 12], Владимирская губ.), подобно тому как это было и в былинах.

В причети концепт воли реализует также значение физической свободы. Такие контексты обычно встречаются в причитаниях, адресованных рекрутам и заключенным. Уходя на службу, рекрут прощается с волей: «Все прощайте-ко, поля да хлебородныи, / Зеленые луга да сенокосныи... / И теперь вся прощай нас, вольня волюшка!» ([28, с. 144], Олонецкая губ.); мать прощается с сыном-рекрутом: «Ты прощай-ка, мое роженое, милое дитятко... / Как обневелили тебя не в порушку, да не во времячко, / Моего полетнаго, яснаго сокола...» ([23, с. 114], Олонецкая губ.), или оплакивает сына, отправляемого на поселение: «Все-то людюшки на волюшки, / Один ен ведь под неволюшкой... / Не суди Господь, не приведи / Никому роду хрещеному / Идти в пецальнюю дороженьку, / Не в вольню — в уголовную» ([50, с. 3], Пудожский у.).

В похоронных причитаниях, оплакивающих потерю старшего — мужа или отца, концепт воли приобретает новые значения, а именно «избыточная свобода», «несоблюдение правил поведения», «выход из-под власти старшего», и ее смысловым вариантом становится понятие «самовольство/самовольный»¹². В причети к людям, которых можно характеризовать через это понятие, принадлежат главным образом сироты и вдовы. *Вольными вольниками* называет их причеть: «Дети вольные-то вольники / Без приятеля-то батюшки» ([43, с. 114], Костромская губ.); «Ах я бедна, мать я горькаа, / Я вдова да самовольняа, / Я вдова да безуёмная!» ([49, с. 46], Прионежье). Поведение оставленных без присмотра вдов и сирот оценивается достаточно негативно, и в рамках причетного нарратива такие оценки вкладываются в уста их соседей,

¹² Ср. рус. диал. *самовольствие* «своеволие, самоуправство»; *самовольный* «непослушный, шаловливый» [42, т. 36, с. 81], а также *самоволка, самовольщина, самовольно* и др. [42, т. 36, с. 80–81].

родственников, односельчан, см. о вдове: «И без тебя, приятный батюшко, / Ото всех я буду вольница, / Ото всех-то я безогрѣзница (непослушная. — *комм. В.И. Смирнова*) / И от старого и от малого» ([43, с. 111], Костромская губ.), или о сиротах: «Ще станут добры люди / Про них говорити, / Ще они детки вольные, / Ще они самовольные / Да безумные, безрассудные» ([43, с. 90], Костромская губ.); «Да вон, вон усе суседушки гавораць: “Вон распунікі, безбацькавічы... ане да самавольнікі”» ([35, № 179], Смоленская губ.), ср. о том же в пословице: *Бацькоў зямля ўзяла — дзеткам воля свая* [38, № 1449]. В рамках подобных контекстов воля как искомая ценность утрачивает свои позитивные коннотации, а ее синонимами становятся такие понятия, как распущенность, невладение собой, непослушание и даже безумие.

Теперь несколько слов о **пословицах**. Как и в традиционной лирике, в паремиях воля часто понимается как сила, исходящая извне, как власть старшего, хозяина: *Не по нашему хотенью, а по божью изволенью; Под богом ходишь — божью волю носишь; Правда божья, а воля царская; Неволя холопу, а воля господину; Чье поле, того и воля* и т. д. [24, раздел «Воля — неволя»]. Что касается свадебной темы, то в паремиях воля также часто соотносится с девичеством: *Девки говорят: нам своя воля гулять, молодки говорят: нам мужья не велят* [24, «Воля — неволя»].

Вместе с тем в пословицах обнаруживаются некоторые новые аспекты воли. Один из них противопоставляет волю материальному положению и богатству, ставя волю выше последнего: *Хоть хвойку жую, да на воле живу; Свитка сера, да воля своя* [24, «Воля — неволя»]; укр. *Хоч спина гола, та своя воля* [46, № 1335] и т. д.

Другой аспект, напротив, основан на негативной оценке воли, рассматривает ее как избыточную свободу личности, связанную в том числе с потаканием своим желаниям (ср. выше о *своеволии*): *Своя воля страшней неволи; Своя воля — клад, да черти его стерегут* [24, «Воля — неволя»] — и приводящую к негативным последствиям: *Воля и добрую жену портит; Воля и добра мужика портит* [24, «Воля — неволя»]; *Волю дать — добра не видать; Своя волюшка доводит до горькой долюшки; Дай сердцу волю, заведет тебя в неволю* [24, «Воля — неволя»]; укр. *Дай кому волю, а сам підеш в неволю* [46, № 1326]; бел. *Дай жонцы волю, то сам пойдзеш у няволю* [38, № 500]; *Жить по воле, умереть в поле; Не бойся неволи, а бойся воли* [24, «Воля — неволя»]. Поэтому в определенных случаях пословицы приветствуют ограни-

чения воли: бел. *Дзяцей гадаваць — волі не даваць* [38, № 1462].

В пословичном дискурсе парным к *воле* выступает регулярно слово *доля*, причем связь этих слов и понятий явно превышает потенциал соединяющей их рифмы. Идеальным считается положение, при котором *воля* и *доля* дополняют друг друга, создавая атмосферу душевного благополучия: *Поется там, где и воля, и холя, и доля* [24, «Воля — неволя»]. Вместе с тем такое соотношение воли и доли встречается исключительно редко. Доля как судьба отдельного человека понимается в контексте ее предопределенности Божьей волей: *Господня воля — наша доля; Такова доля, что божья воля* [24, «Воля — неволя»], в то время как влияние воли личности на судьбу оценивается преимущественно негативно: *Боле воли — хуже доля; Дураку воля, что умному доля: сам себя губит* [24, «Воля — неволя»]; бел. *Дасі дзецям волю, адбярэш долю* [38, № 1465]; в других случаях воля и доля противопоставляются друг другу: *Не в воле счастье, а в доле* [24, «Воля — неволя»].

Как и в других статьях цикла, посвященных внутреннему миру человека, при переходе от «светских» жанров к **духовным стихам** обнаруживается практически полная смена аксиологической парадигмы и переоценка рассматриваемого концепта. Значения *воли*, к которым чаще других обращаются духовные стихи, четко дистрибутируются между двумя полюсами — *Божьей волей* как высшей властью и *волей* человека как средоточием его греховных желаний.

Первый контекст, в котором в духовных стихах упоминается воля, противопоставляет волю человека, его стремления и желания, Божьей воле как высшей власти. Так, на просьбу богатого Лазаря принести воды и остудить жар бедный брат отвечает: «Сходил бы я, братец, ко синю морю, / Но не моя есте волюшка, / Есте Божия воля, / Божья-то волюшка, милость велика» [26, с. 408]; в духовном стихе о Страшном суде грешников упрекают за отказ следовать воле Божьей: «Никогда вы ко мне не приходжали, / Вы воли Господней не творили, / Всю заповедь Божью преступили» [29, т. 5, № 448].

Такое позиционирование двух воль — высшей и земной — в свою очередь наводит духовный стих еще на две темы. Одна — противопоставление воли личности (т. е. ее стремлений к радостям жизни) и трудничества во Христе. Об этом говорит Иоасаф в пустыни: «Ай у мяне, у пустыльні, ўсё нема воли гуляти; / Только ў мяне у пустыльні / Сы трудами потрудитца»

[40, т. 5, с. 372]. А Христос укоряет грешных людей: «Вы прочь пошли, проклятыи... / Вы моёй воли не творили, / За хрест, за молитву не стояли... / И милосщину... не создали» [40, т. 5, с. 390].

И другая тема, вызванная этим противостоянием, — отчасти уже знакомое нам осуждение своеволия. Человек виноват уже в том, что руководствуется в жизни не Словом Божиим, а своей волей: «Вы свою волю творили... / И даны вам были книги Божьи» [29, т. 5, с. 97–98]. Своеволие, потакание собственным желаниям, игнорирование воли старшего — общая черта человека грешного, осужденного на тяготы жизни со времен Адама и Евы: «Уж вы есте грешные души, / Спорожденные от Адама и от Евы, / Уж вы созданы на трудную землю, / Для-ради грехов соблюденё, / За ваше житьё за самовольнё, / За ваши грехи да беззаконные / Показана вам вечная мука» ([26, с. 257], «Страсти»), и продолжающего свой путь во грехе, вместо того чтобы обрести иную долю: «Небо, небо утрачаеш, / Гды сваволно жиеш; / В смордѣ грѣхов тяжких / В день и в нощи пребываеш...» ([21, № 62], Угорская Русь); «За мою безъчесност и сваволу / Утратити мушу щасливую долю...» ([21, с. 252], Угорская Русь, поминальные стихи о грешном человеке).

Наконец, последнее, о чем имеет смысл сказать, — это трансформация представлений о *вольном мире/свете* в духовных стихах по сравнению с другими жанрами, прежде всего с эпосом и причетью. Если в былинах *вольный белый свет* — это мир, где, как мы видели, совершают подвиги богатыри, мир, символизирующий жизнь как таковую, то в духовных стихах *вольный мир* — это мир порочный, где греховно всё его наполнение: богатство, жадность, гордость, блуд, высокомерие, жестокость, мирские заботы, а синонимами *вольного* становятся такие эпитеты мира, как *суетный* и *прелестный*. На вольном свете человек делает выбор между добром и злом, что влечет за собой божественное воздаяние, о чем напоминает человеку его ангел-хранитель: «...я ангел, твой хранитель, / Не могу тебя хранить: / Жил ты, жил на вольном свете, / Ни по чем не звал меня. / О грехах ты не скорбил...» [47, с. 255]. Как говорит духовный стих о Страшном Суде, «жили мы, грешные, на вольном на свету...» [29, т. 5, с. 227], тем самым фактически проводя параллель между греховностью и вольным светом.

Подведем некоторые итоги. В восточнославянском фольклоре присутствует большое количество слов, относящихся к рассматриваемому в

статье лексическому гнезду: *воля, вольный, вольница, волевать, вольничать, волить, вольно, неволя, приволье, безволие, неволить, обневолить* и т. д. Этот лексический ряд обнаруживает широкий спектр значений, в целом соответствующих значениям слов в литературных языках и диалектах, с той лишь разницей, что в фольклорных контекстах многие значения часто трудно различимы и не всегда определены. Концепт воли реализуются в текстах былин, похоронных, рекрутских и свадебных причитаний, лирических песен, пословиц и духовных стихов.

В большинстве жанровых проекций концепта воли эти значения концентрируются на двух полюсах: на одном «собраны» позитивно окрашенные значения, такие как представление о воле как собственном праве на выбор и физической свободе, отождествляемой с жизнью как таковой, а на другом — негативно окрашенные: представление о воле как власти чужого, старшего или сильного, и об избыточности свободы и своеволии вплоть до непослушания и распущенности. Вместе с тем в распределении значений по полюсам всё не так однозначно: в пословицах, как мы видели, привычные оценки могут меняться на противоположные и право на выбор оказывается скорее на полюсе негативных значений, а в духовных стихах воля вообще предстает исключительно в негативном ключе, как средоточие греховности человека и всего земного мира — *вольного света*.

Хотя диалектологи и настаивают на том, что основным значением слова *воля* в русских диалектах является «желание», тем не менее, на наш взгляд, такое значение, как «право на выбор поведения и образа жизни», невозможно полностью отождествить с «желанием» как таковым, и потому нам представляется, что в фольклорных контекстах «воля» обнаруживает несколько иные значения или их оттенки по сравнению с собственно диалектным дискурсом.

Предшествующие исследования фольклорных концептов показывают, что многие из них формируют соответствующие оппозиции типа *слава — неслава*. Рассматривая под этим углом зрения концепт воли, надо признать, что наличие оппозиции *воля — неволя* является практически обязательным для большинства его жанровых проекций (причем если воля ассоциируется с жизнью, то неволя в крайних ее проявлениях — со смертью), что, как мне представляется, указывает на одно из важнейших свойств *воли* как квинтэссенции внутренней свободы человека, а именно на ее уязвимость.

Список литературы**Исследования**

- 1 Агапкина Т.А. Слава в восточнославянском фольклоре // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 109–166.
- 2 Агапкина Т.А. Сердце в восточнославянском фольклоре // Образ человека в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2018. С. 21–63.
- 3 Агапкина Т.А. Благоверная царица хитра была мудра: об одной синонимической паре в русском фольклоре // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 2. С. 336–389. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-2-336-389>
- 4 Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 2003. С. 73–99.
- 5 Вендина Т.И. Философия диалектного слова в языке русской традиционной культуры // Категории воля и принуждение в славянских культурах / сост., отв. ред. Н.В. Злыднева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. 406 с.
- 6 Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2012. 936 с.
- 7 Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Языковые аспекты регионального существования человека. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2006. С. 220–229.
- 8 Никитина С.Е. Лингвистика фольклорного социума // Язык о языке / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой. М.: ЯРК, 2000. 624 с. С. 558–596.
- 9 Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. 354 с.
- 10 Толстая С.М. Мотив расставания с волей (красотой) в свадебных причитаниях Русского Севера // Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 271–277.
- 11 Урысон Е. Свобода 1 / Воля 4.2. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 1003–1007.
- 12 Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 140 с.

Источники

- 13 Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с.
- 14 Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / подгот. А.М. Астахова, В.В. Митрофанова, М.О. Скрипиль. М.; Л.: АН СССР, 1960. 320 с.
- 15 Былины Мезени: Север Европейской России. СПб.: Наука; М.: Классика, 2004. Т. 4. 716 с.

- 16 Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. М.: Л.: Изд-во АН СССР, Ленинградское отд-е, 1961. 608 с.
- 17 Былины: в 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001. 776 с.
- 18 Былины: Сборник. Л.: Сов. писатель, 1986. 552 с.
- 19 Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: [б.и.], 1895–1907.
- 20 Вяселле. Песні: В 6 кн. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. Кн. 3. 768 с.
- 21 *Гнатюк В.* Угроруські духовні вірші. Львів: З друкарні Наукового Товариства ім. Шевченка, 1902. 272 с.
- 22 *Готье Ю.* «Вопи» Весьегонского уезда Тверской губернии // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 112–120.
- 23 *Гроховский П.* Причитание матери по сыне рекруте // Олонекские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1873. № 10. С. 114.
- 24 *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа. СПб.: Литера ВИАИ, 1997. 416 с.
- 25 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
- 26 Духовные стихи на Русском Севере. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.
- 27 *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М.: Сов. композитор, 1980. 392 с.
- 28 *Истомина Ф.* О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губерниях // Живая старина. 1892. Вып. 3, отд. 2. С. 139–145.
- 29 Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М.: В тип. А. Семена, 1861–1864. Вып. 1–6.
- 30 *Кузнецова В.П., Логинов К.К.* Русская свадьба Заонежья: Конец XIX — начало XX в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 328 с.
- 31 Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта / сост. П. Ефименко. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1877. 223 с.
- 32 Издание ОЛЕАЭ, 1878. Ч. 1: Думы и думки.
- 33 Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: [б.и.], 1873. 1336 с.
- 34 Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. СПб.: [В тип. Конрада Вингебера], 1845. Т. 1, кн. 3: Олонецкая губерния. 108 с.
- 35 Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 324 с.
- 36 Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. М.: О-во любителей росс. словесности при Моск. ун-те, 1911. Вып. I: Песни обрядовые; 1917. Вып. II, ч. 1; Вып. II, ч. 2. 1929.

- 37 Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. 2-е изд. М.: Изд. фирмы «Сотрудник школ», 1909–1910. Т. 1–3.
- 38 Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / рэд. А. С. Фядосік. Мн.: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. 616 с.
- 39 Радченко З. Гомельские народные песни // Записки Императорского Русского географического общества по отделу этнографии. СПб.: В тип. В. Безобразова, 1888. Т. 13. Вып. 2. 266 с.
- 40 Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск: Типо-лит. Г.А. Малкина, 1891. Вып. 5. 450 с.
- 41 Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–.
- 42 Словарь русских народных говоров. М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–. Вып. 1–.
- 43 Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 15. С. 21–126.
- 44 Соболев А. Причитанья над умершими Владимирской губернии. М.: Университ. тип., 1912. 12 с.
- 45 Толмачев П.М. Заговоры и поверья в Забайкалье // Сибирский архив. 1912. № 3. С. 136–152.
- 46 Українські приказки, прислів'я, і таке інше: зб. О.В. Марковича та ін. / уклад М. Номис. Київ: Либідь, 1993. 764 с.
- 47 Фольклор Дивеевского района Нижегородской области. Ч. 2 / сост. Ю.М. Шеваренковой. Нижний Новгород: [б.и.], 2017. 426 с.
- 48 Фольклор: Песенное наследие. М.: Наука, 1991. 261 с.
- 49 Фольклорные записи А.А. Шахматова в Заонежье. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 92 с.
- 50 Шайжин Н. Затюремная припльч в Негижме (По воре, осужденном на поселение в Сибирь) // Олонекские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1903. № 48. С. 3.

References

- 1 Agapkina, T.A. "Slava v vostochnoslavianskom fol'klore" ["Glory in the East Slavic Folklore"]. *Kategoriia otsenki i sistema tsennoستي v iazyke i kul'ture* [Evaluation Category and Value System in Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 109–166. (In Russ.)
- 2 Agapkina, T.A. "Serdtshe v vostochnoslavianskom fol'klore" ["Heart in the East Slavic Folklore"]. *Obraz cheloveka v iazyke i kul'ture* [Image of a Man in Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 21–63. (In Russ.)
- 3 Agapkina, T.A. "Blagovernaiia tsaritsa khitra byla mudra: ob odnoi sinonimicheskoi pape v russkom fol'klore" ["Blagovernaiia Tsaritsa Khitra Byla Mudra: on One

- Synonymous Pair in the Russian Folklore"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 2, 2020, pp. 336–389. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-2-336-389> (In Russ.)
- 4 Arutiunova, N.D. “Volia i svoboda” [Will and Freedom]. *Logicheskii analiz iazyka. Kosmos i khaos* [Logical Analysis of the Language. Cosmos and Chaos]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 73-99. (In Russ.)
- 5 Vendina, T.I. “Filosofiiia dialektного slova v iazyke russkoi traditsionnoi kul'tury” [Philosophy of a Dialect Word in the Language of Russian Traditional Culture]. *Kategorii volia i prinuzhdenie v slavianskikh kul'turakh* [Categories of Will and Compulsion in Slavic Cultures]. Moscow, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 406 p. (In Russ.)
- 6 Gura, A.V. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture* [Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 936 p. (In Russ.)
- 7 Gyngazova, L.G. “O kontsepte «Volia» v individual'nom soznanii nositelia traditsionnoi rechevoi kul'tury” [About the Concept of Will in Individual Consciousness of a Person in Traditional Speech Culture]. *Aktual'nye problemy rusistiki. Iazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniia cheloveka* [Current Problems of Russian Studies. Linguistic Aspects of Regional Human Existence]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2006, pp. 220–229. (In Russ.)
- 8 Nikitina, S.E. “Lingvistika fol'klornogo sotsiuma” [“Linguistics of Folklore Society”]. *Iazyk o iazyke* [Language about Language]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 558–596. (In Russ.)
- 9 Nikitina, S.E. *Chelovek i sotsium v narodnykh konfessional'nykh tekstakh (leksikograficheskii aspekt)* [Human Being and Society in Folklore Religious Texts (Lexicographic Aspect)]. Moscow, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, 354 p. (In Russ.)
- 10 Tolstaya, S.M. “Motiv rasstavaniia s volei (krásotoi) v svadebnykh prichitaniiakh Russkogo Severa” [“The Motif of the Parting with the Will in Wedding Lamentations of the Russian North”]. *Obraz mira v tekste i rituale* [Image of World in Text and Ritual]. Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke Publ., 2015, pp. 271–277. (In Russ.)
- 11 Uryson, E. “Svoboda 1 / Volia 4.2.” [“Freedom 1 / Will 4.2.”]. *Novyi ob'iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed., rev. and expanded. Moscow, Vienna, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., Venskii slavisticheskii al'manakh Publ., 2004, pp. 1003–1007. (In Russ.)
- 12 Khrolenko, A.T. *Semantika fol'klornogo slova* [Semantics of Folklore Word]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1992. 140 p. (In Russ.)